

ОЗЕРОВА Н. Г.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ЕГО ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В слове как основной единице языка сосредоточены и лексическое и грамматическое значения, причем в языке строго фиксировано сочетание определенных элементов грамматического значения с определенными типами лексического значения, что находит выражение в принадлежности морфологических категорий четко выделяемым классам слов с обобщенным лексическим значением предмета, признака, действия и т. п. Качественное значение прилагательного, предметное значение существительного, процессное значение глагола находятся в определенной связи с морфологической характеристикой соответствующих частей речи [1].

Присущие той или иной части речи морфологические категории, эксплицитно или имплицитно выраженные в словоформах данных лексем, находятся в различных соотношениях с лексико-грамматическими разрядами слов в пределах одной части речи. Эти соотношения зависят от семантической структуры морфологической категории, ее системной организации, особенностей функционального употребления форм категории, «степени охвата теми или иными грамматическими формами лексического состава данной части речи» [2]. Элементы лексического и грамматического значений в слове составляют его семантическую структуру, в которой они сложно и многоаспектно взаимодействуют, и порой трудно определить характер зависимости лексической и грамматической сем [3], их взаимообусловленности.

Взаимодействие лексического и грамматического значений, формальное их выражение зависят от степени абстракции составляющих их сем, от структуры представленных в слове грамматических категорий, от семантического потенциала грамматической формы [4].

Морфологическая категория числа существительных, обязательная для каждого субстантива, в современном русском языке характеризуется бинарной оппозицией единственного и множественного числа. Формы ед. и мн. числа, имея обобщенное значение количественной семантики, конкретизируют его, выражая исчисляемость/неисчисляемость обозначенных существительными предметов. В этом отражается связь морфологической категории числа с логико-понятийной категорией количества.

Количественная семантика своеобразно выражается в различных лексико-грамматических рядах существительных. В существительных отвлеченных, вещественных, собирательных значение количества передается не грамматической семой числа, а лексически, при помощи другого слова, в семантической структуре которого есть сема «количество», например: *много, мало, максимум, минимум*, или названиями точных единиц измерения. На внелексемное выражение грамматической семы в отдельных языках указывал еще в XIX в. А. А. Потебня: «Есть языки., в коих категория множествен. числа выражается словами „много“, „все“...» [5].

Коррелирующие формы ед. и мн. числа образуются, как правило, от существительных, обозначений исчисляемых понятий. В этом проявляется своеобразная кооперация, согласование лексической и грамматической сем [6, с. 303].

Морфологическая категория числа своеобразно взаимодействует с традиционно выделяемыми лексико-грамматическими разрядами существительных, которые объединяют более мелкие семантические группировки, включающие ограниченное количество лексических единиц. Число имен существительных относится к тем морфологическим категориям, которые наиболее тесно связаны с лексикой, с лексической природой слова. Это касается как возможности образования словоформ ед. и мн. числа от существительных, принадлежащих к различным лексико-грамматическим разрядам, так и процесса лексикализации определенных форм, характера участия категории числа в развитии семантической структуры субстантивов, реализации их семантических потенций [7].

Отвлеченные имена существительные, называющие свойства, качества предметов, абстрактные понятия, в большинстве своем выступают как субстантивы с дефектной числовой парадигмой, слова *singularia tantum*. Однако это общепринятое мнение корректно только для однозначных абстрактных имен. Анализ системы лексических значений полисемичных субстантивов обнаруживает, что многие существительные имеют соотносительные формы числа только для части значений [8].

Влияние межуровневого взаимодействия наблюдается в расширении семантического объема абстрактных имен существительных, относимых ранее к однозначным словам *singularia tantum*, в превращении их в полисемичные существительные, в части значений имеющие коррелятивные формы ед. и мн. числа. Обозначая в форме ед. числа какое-то отвлеченное качество, в форме мн. числа такое имя развивает новую семантику конкретного проявления этого качества.

В процессе семантического развития слова обычно на базе конкретного значения развивается абстрактное, однако в лингвистической литературе отмечается и противоположная тенденция в реализации семантического потенциала слова: конкретные значения развиваются на базе абстрактных, выступающих в данном случае в качестве исходных [9]. Эти семантические процессы самым непосредственным образом оказываются связанными с изменениями в грамматической характеристике возникших лексико-семантических вариантов многозначных слов.

Противопоставленность существительных по семантическому признаку абстрактность — конкретность не находит выражений в каких-то формальных показателях, как, например, оппозиция имен по признаку одушевленности — неодушевленности, имеющая морфологическое выражение в парадигме мн. числа и частичное в парадигме ед. числа. Однако анализ межпарадигматических связей между формами ед. и мн. числа показывает зависимость их существования от характера лексического значения существительного.

Абстрактные существительные, включаясь в общий процесс семантического развития лексики, могут стать носителями большего количества сем. Развивая новые значения, подобные субстантивы через возникшие лексико-семантические варианты связываются с категорией счетности и переходят из разряда слов с потенциально полной числовой парадигмой в разряд существительных с реально полной парадигмой.

Этому способствует также и возможность сочетания таких лексем с числительными, передачи ими чисто количественных отношений. Напри-

мер, существительное *емкость* в значении «способность вместить в себя определенное количество чего-л.; вместимость» не обладает парадигмой мн. числа. Сочетаясь с количественным числительным, оно приобретает значение «сосуд для хранения чего-л.». В этом значении лексема *емкость* характеризуется наличием числовой корреляции ед. число — мн. число, например: У пирса сливал нефтепродукты в береговую емкость крупный танкер (Изв. 1985. 8 июля) — Для транспортировки теперь будут использоваться две шарообразные *емкости* (Изв. 1982. 28 мая).

Абстрактные существительные с общим значением «признак, проявляющийся в различной степени и поддающийся измерению» (*влажность, жирность, рентабельность, скорость*) могут сочетаться с порядковыми числительными и качественными прилагательными, в семантике которых наличествует сема «количество», например: *высокая влажность, первая скорость, вторая скорость*. Это приводит к тому, что такие субстантивы для передачи количественных отношений используют формы мн. числа, например, в языке средств массовой коммуникации частотны словосочетания: пропорционально достигнутым *скоростям*, обрабатывать на больших *скоростях*, знаки ограничения *скоростей*, вода с небольшими *скоростями* течений и т. п. В некоторых случаях словоформы мн. числа характеризуются узкоспециальным употреблением, например, *неоднородности, регулярности, точности, целостности* и т. п.: Он провел в Крыму часть исследовательских работ по выявлению геологических *неоднородностей* радиоволновым методом (Сов. Крым. 1982. 3 июня); Структурные *регулярности* несомненно облегчают коммуникацию (ФН. 1984. № 4).

Полисемичное существительное с первичным абстрактным значением «свойство чего-либо» имеет асимметричные формы ед. числа, выступая в этом значении субстантивом *singularia tantum*: *гладкость* — «свойство по знач. прилаг. гладкий», *глупость* — «свойство по знач. прилаг. глупый», *грубость* «свойство по знач. прилаг. грубый», *жестокость* «свойство по знач. прилаг. жестокий», *жухлость* «свойство жухлого», *откровенность* «свойство откровенного», *тонкость* «свойство, качество тонкого» и т. п.

Развивая конкретное значение «проявление какого-либо качества», они продолжают оставаться словами с асимметричной парадигмой, только иного характера. В новых лексико-семантических вариантах, манифестирующих конкретную семему, они становятся существительными *pluralia tantum*: *возможности* «внутренние силы, ресурсы, способности» (Порыв, открывший в человеческой душе непредугаданные *возможности*. — Правда. 1982. 10 июня); *гладкости* «гладкие места» (На том *гладкости* кончаются, начинается сплошная шероховатость. — Правда. 1984. 7 авг.); *жестокости* «жестokie поступки» (Эти *жестокости* могут сравниться лишь с варварством гитлеровских вандалов. — Правда. 1982. 23 июня); *тонкости* «подробности, детали» (Закаляется экипаж, постигает *тонкости* морского военного дела. Его надо было освоить, отработать до *тонкостей*. — Изв. 1984. 29 авг.).

Данные лексико-семантические варианты полисемичного существительного характеризуются асимметрией числовых парадигм, не вступающих в оппозицию единичность — множественность. Несовпадение характера числовых парадигм в словоформах сигнализирует об их семантических различиях, о том, что такие словоформы выступают обозначениями различных денотатов. Процесс этот живой, развивающийся, охватывающий значительное количество абстрактных слов, конкретные семемы которых не зафиксированы в словарях. Например, лексема *красивость* в [10, т. 5] толкуется как однозначное абстрактное существительное *singu-*

laria tantum со значением «свойство красивого (обычно о внешней красоте)». В конкретном значении «красивые места в письменной речи» это слово употребляется как существительное pluralia tantum в языке современных писателей: Мы отвергаем за работой — не только я, не только ты — *красивости* или красоты для социальной простоты (Я. Смеляков. Михаилу Луконину); Не отсюда ли взялись в письме *красивости* и восклицательные знаки? (Н. Ильина. Дороги). Абстрактное существительное *абсурдность* имеет значение «свойство по знач. прилаг. абсурдный», в котором оно является словом singularia tantum. Конкретизируя свое значение, оно переходит в разряд имен pluralia tantum: Авось, все образуется, исчезнут все абсурдности (А. Вознесенский. Щенок по имени Авось). Ср. также *зависимости*: Мы увидели всю меру (безмерность) социальных *зависимостей* человека от человека (Лит. газета. 1982. 21 июля); *бездуховности* (Маленькие *бездуховности* сливаются в изменение качественное и становятся духовной катастрофой. — Изв. 1984. 27 мая); *несовместимости* (Оружие и музыка... Как можно трудиться деловито и тревожно среди *несовместимостей* таких. — Л. Вышеславский. Маршал и скрипка).

Значительную группу существительных первичной абстрактной семантики составляют слова, развившие конкретное значение «проявление какого-либо свойства». В этих лексико-семантических вариантах они обладают формами частных симметричных парадигм ед. и мн. числа, представляющих собой числовые корреляции. Например, существительное *несправедливость* имеет два значения: 1) «свойство несправедливого», в котором оно выступает как слово singularia tantum; 2) конкретное «несправедливый поступок», в этом значении данная лексема обладает парадигмами ед. и мн. числа, т. е. функционирует как нормальное существительное с семантикой конкретности: Без брани, но гораздо большее я накажу вас за вашу *несправедливость* (А. Островский. Поздняя любовь) — Сквозь обыденность, заземленность, через мелкие житейские *несправедливости*, наперекор ударам судьбы поднимается самосознание просветленной женской души (Изв. 1984. 29 сент.).

В ряду слов с аналогичной лексической и грамматической семантикой находятся существительные *идеальность*, *необходимость*, *необыкновенность*, *сложность*, *последовательность*, *реальность*, *неровность*, *трудность*, *неясность*, *откровенность*, *очевидность*, *обусловленность* и т. п.

На базе абстрактного значения какого-нибудь существительного, обозначающего «свойство чего-либо», может развиваться еще одно конкретное значение «предмет, обладающий этим свойством». Это значение имеет большую степень конкретизации, чем семема «проявление какого-либо свойства», поэтому изменение количественной характеристики слова происходит без промежуточного этапа расчленения семантики слова на лексико-семантические варианты singularia tantum и pluralia tantum, передающих абстрактные и конкретные семемы. Такие слова получают непосредственную возможность функционировать в возникших лексико-семантических вариантах как существительные симметричных парадигм. Например, *ценность* со значением «стоимость чего-л., выраженная в деньгах» (singularia tantum) и «предмет, имеющий высокую стоимость» (с противопоставлением в словоизменении форм ед. и мн. числа): Меновая *ценность* продукта определяется издержками его производства (Н. Чернышевский. Капитал и труд) (singularia tantum) — Березники хотя и не сохранили вполне прежнего роскошного барского вида, но представляют *ценность* очень солидную (М. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи); Трудовая практика школьника должна быть направлена на создание по-

лезных для общества *ценностей* (Изв. 1984. 22 фев.) Существительное *древность* в лексико-семантическом варианте «свойство по прилаг. древний» выступает как имя с дефектной числовой парадигмой: *древность* рода; в значении «памятник далекого прошлого» оно обладает формами ед. и мн. числа: Москва — сама историческая *древность* (В. Белинский) — Для изучения всей этой массы *древностей* необходимы были особые методы. Это в свою очередь позволило изучить *древности* не статично, а в процессе их развития (Изв. 1984. 4 июля).

Однако зависимость числовых корреляций существительного от его семантики не является односторонней, можно говорить о взаимозависимости лексической и грамматической семантики в категории числа, ибо грамматическая характеристика многозначного слова в одном из лексико-семантических вариантов распространяется на всю полисемантическую лексему, вызывая определенные изменения в качественной характеристике других семем. Например: баллон *емкостью* 5 литров — *емкости* для хранения зерна — нынче решено удвоить *емкости* помещений; *мощность* завода — наращивать *мощности* по выпуску тракторов — реконструкция завода с тем, чтобы удвоить его *мощности*. В 1-м и 3-м примерах существительные *емкость*, *мощность* представлены в обычной числовой оппозиции, ранее отсутствовавшей в абстрактных значениях «способность вместить в себя определенное количество чего-н.» и «способность производить что-л.»

По нашему мнению, рассматривать числовые корреляции *емкость* — *емкости*, *мощность* — *мощности* как деривационные неправомерно [11]. Словоформа мн. числа характерна как для лексико-семантических вариантов *емкость*, *мощность*, обозначающих конкретные предметы, так и для абстрактной семемы «качество какого-то неодушевленного предмета». Поэтому отношения между формами ед. и мн. числа в данном случае грамматические [12], аналогичные тем, которые существуют в корреляциях считаемых существительных *стол/стола*, *дом/дома*, *книга/книги*. Это ведет к выравниванию числовых корреляций всех лексико-семантических вариантов полисемичного существительного. Например, лексема *мощность* в значении «производственный объект (завод, машина, техническая установка)» в [10, т. 6)] характеризуется как существительное *pluralia tantum*, современное словоупотребление дает примеры функционирования этого слова с аналогичной семантикой и в форме ед. числа: На полгода раньше запланированного срока введена в строй действующих крупная *мощность* по выпуску апатито-нефелинового концентрата (Изв. 1984. 9 июля).

Двузначные существительные с первичной абстрактной семемой «свойство по знач. прилаг.» развивают значение «носитель признака», конкретизирующееся применительно к человеку. И этот лексико-семантический вариант характеризуется парадигмами ед. и мн. числа, в отличие от ЛСВ «свойство чего-либо», являющегося существительным *singularia tantum*, например: *заурядность* исполнения, *знаменитость* таланта, *известность* певца, *посредственность* романа и ср.: Сложения он весьма заурядного. А знаниями даже в *заурядности* не вышел (Изв. 1984. 16 сент.); Осторожней с *бездарностями* — особенно если в их глазах вы видите опасно энергичные искорки гигантомании (Е. Евтушенко. Фуку); Вокруг столько невероятно надутых пузырей, случайных *известностей* и неизвестных *знаменитостей*, что мое развенчание «нехорошим мнением» ничего не убавит (Ю. Бондарев. Игра); Легче жить с *посредственностями* (Ю. Бондарев. Игра). ЛСВ, обозначающие человека как носителя признака и имеющие

числовые корреляции ед. и мн. числа, квалифицируются словарями как разговорные, они широко употребительны в разговорной речи, в языке художественной литературы.

Абстрактные имена существительные, выражающие в формах мн. числа значение спредмеченного качества, свойства, построены по словообразовательной модели «основа прилагательного + суф. -ость, -есть»: *возможности, мощности, реальности, скорости, емкости, вредности, сложности, древности*. Этот процесс расширения круга отвлеченных имен существительных, способных образовывать формы мн. числа, получил распространение еще в литературном языке XIX в. [13]. Квалифицируемые лингвистами 10—15 лет назад как «капризно-нерегулярные» [14], эти формы мн. числа в последнее время получили широкое распространение не только в профессиональной речи, но и в других функциональных стилях литературного языка, повлияв на аналогичное формообразование абстрактных существительных иных словообразовательных моделей.

При сопоставлении родовых и числовых характеристик существительного заметно специфичное отношение категорий рода и числа к лексической семантике многозначного субстантива. Категория рода однозначно характеризует все существительное в целом, независимо от количества и качества семем, например: *игра* «занятие с целью развлечения», *игра* переп. «преднамеренный ряд действий», *игра* «набор предметов, необходимых для той или иной игры», *игра* «сценическое исполнение роли», *игра* «исполнение музыкального произведения на одном или нескольких инструментах» и т. д. Во всех девяти значениях, выделяемых в лексической семантике этого слова, данное существительное женского рода. Словоизменительная релятивная категория числа, как видно из предыдущего изложения, избирательна к качественной характеристике семем: многозначный субстантив может быть в одних значениях словом *singularia tantum*, в других — *pluralia tantum*, в третьих — выступать в парадигмах ед. и мн. числа.

Грамматическая характеристика многозначного слова наглядно демонстрирует взаимодействие лексической и грамматической семантики в отдельно взятой лексеме. Лексическая семантика существительного определяет его отношение к морфологической категории числа, относящегося к основным грамматическим категориям существительного как части речи. Существительные собирательные, вещественные выступают субстантивами дефектной числовой парадигмы, так как обозначаемые ими денотаты представляют сплошную неделимую массу, характеризуются недискретной множественностью, цельностью, выводящей их за пределы категории счетности/несчетности предметов. Количественная характеристика их может быть дана вне присущих им словоформ, аналитически.

Абстрактное значение существительного также является причиной невозможности образования от него формы мн. числа, так как лексическая семантика препятствует проявлению в слове грамматической семы «неопределенная множественность», являющейся ведущей в грамматической семантике словоформы мн. числа.

Отмеченное В. В. Виноградовым «взаимодействие грамматических форм с лексическими» [15] в конструктивных формах существительных проявляется в том, что каждая грамматическая форма характеризуется набором определенных грамматических сем, которые актуализируются в отдельных лексико-грамматических разрядах и лексико-семантических группах субстантивов.

В грамматической семантике формы ед. числа выделяются семы единич-

ности, конкретности, определенности, целостности, однородности, собираемости, в формах мн. числа количественная сторона объекта характеризуется при помощи грамматических сем множественности, расчлененности, неопределенности, однородности, конкретности.

Взаимообусловленность грамматической и лексической семантики обнаруживается в сочетаемостных характеристиках грамматических сем, которые определяют возможность образования тех или иных грамматических форм от существительных различных лексических разрядов. Исследователями уже отмечалась совместимость/несовместимость лексических и грамматических сем внутри одной формы [6, с. 303].

Характерный для формы множественного числа существительных набор грамматических сем не может сочетаться с семой «отвлеченность», выступающей ведущей в лексической семантике абстрактных имен. Появление в семантической структуре этих существительных конкретизирующих лексических сем «отдельность совершения действия», «отдельное проявление признака», «отдельное проявление свойства» мотивирует сочетаемость их с грамматическими семами «множественность», «расчлененность», основными семами в форме множественного числа, реализует одно из лексических значений слова, которое вызывает изменения в грамматической характеристике нового лексико-семантического варианта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивлева Г. Г. Семантические особенности слов в немецком языке. М., 1978. С. 10.
2. Нормативная грамматика русского языка для нерусских (Проспект). М., 1984. С. 72.
3. Русская грамматика. Т. 1. Praha, 1979. С. 178.
4. Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 12.
5. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958. С. 38.
6. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
7. Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 3.
8. Булатова Л. Н. Еще о грамматическом статусе категории числа существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983. С. 126.
9. Русанівський В. М. Семантичні процеси розвитку української лексики // Історія української мови. Лексика і фразеологія. Київ, 1983. С. 665.
10. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.—Л., 1950—1965.
11. Сумкина А. И. Деривационные корреляции существительных в формах множественного числа // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 230.
12. Соболева П. А. Число существительных как грамматико-словообразовательная категория // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. М., 1984. С. 70.
13. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964. С. 157.
14. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 153.
15. Виноградов В. В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 1. М., 1938. С. 146.